

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 92 (2810)

Суббота, 4 августа 1951 г.

Цена 40 коп.

С нами вместе! Каждый день с самых дальних широт...

Рис. худ. Ираклия ТОНДЗЕ

Привет друзьям! Твердо решив возродить свою землю, Мы обрели настоящих друзей...

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ В БЕРЛИНЕ

Якоб ШВАРЦ. Австралийский рабочий Джонни

В Бвинсленде, в Австралии, широко раскинулись плантации сахарного тростника. Палит солнце. От солнца человек загорает...

Француз Рене Мишле из Тулона

Целые районы в порту Тулон опутаны проволоками заграждениями, оцеплены американскими патрулями. Повсюду надзор, предупреждающие, что французам запрещено вступать в эту часть французского порта...

Иранский кузнец Джанабар Санахан

Джанабар Санахан — рабочий, кузнец из Тегерана. Прежде он работал в Абаде, в каменной, обжигаемой солнцем пустынной местности Ирана, откуда Англия ежегодно выкачивала 30 миллионов тонн нефти.

Карл Гейнц — горняк из Тулона

Карл Гейнц был избран уполномоченным одного из таких лагерей. Он организовал забастовку молодых горнорабочих. Волна стачек по всей Рурской области запершила конференция молодых горняков в Тейтбургском лесу.

НА ФЕСТИВАЛЬ!

В солнечный полдень 31 июля первая группа советских делегатов на Всемирный фестиваль молодежи садилась в поезд на Белорусском вокзале в Москве. Гремел оркестр.

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Василий АРДАМАТСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

БЕРЛИН, 3 августа. (По телеграфу)

БЕРЛИН, 3 августа. (По телеграфу) Берлин, 3 августа. (По телеграфу) Берлин, 3 августа. (По телеграфу)

На пленуме правления Союза советских писателей Украины

Прения по докладу тов. А. Корнейчука открыл руководитель харьковской организации писателей тов. П. Панч. Он напомнил об огромной заботе и помощи, которую оказывает литературе партия.

— Статья «Правды» заставляет нас, — говорит П. Панч, — внимательно проверить все наше творчество, чтобы выявить причины допущенных ошибок. Эти ошибки объясняются отсутствием в среде украинских писателей настоящей большевистской критики и самокритики, самоанализом, привычкой к замалчиванию недостатков. Таким же болезненным страдал и харьковская организация писателей, где руководители критикуют с оглядкой, где творческие секции не ведут глубокой работы, не притягивают талантливых даже слабые произведения, механически рекомендуют их к печати. Это особенно ярко заметно в сборниках «Самодельный театр». Секция драматургии превратила их в формушку. Достаточно сказать, что литератор Г. Брежнев в двух сборниках выступил двадцать раз: в 9 случаях как автор и в 11 как переводчик.

Далее П. Панч резко критикует организационные недостатки в работе правления Союза писателей Украины.

К созданию, П. Панч не сообщил пленуму, почему харьковские писатели отстали в создании произведений на индустриальные темы, хотя именно они, живущие и работающие в крупнейшем индустриальном центре Украины, должны были бы стать здесь застрельщиками.

Поэт Н. Рудь критиковал стихотворения украинских поэтов на производственные темы и показал примеры поверхностного, легкомысленного отношения к этой важной теме у М. Фролова, С. Голованшицкого, И. Муратова.

С настороженным вниманием пленум выслушал выступление В. Сосюра.

— Статью в «Правде» с критикой моего стихотворения «Люби Украину», как националистического, я считаю абсолютно правильной, — сказал В. Сосюра. — Отсутствие правильной принципиальной критики, атмосфера замалчивания привели меня к тому, что я стал считать все написанное мною безопасным, безразлично реагировал на критические замечания некоторых товарищей.

Рассказав о своем творчестве, в котором и раньше были идейные срывы, В. Сосюра говорит:

— Глубоко осознав свои ошибки, понял, куда они ведут, я побудил дальше по тому правильному творческому пути, которым я шел в большинстве своих произведений вместе с партией и народом.

В заключение В. Сосюра прочитал свое новое стихотворение «Украина».

Редактор журнала «Советская Украина» Б. Палийчук критиковал правление ССП Украины за организационную беспомощность и неразбериху, обещающую в работе, пренебрежительное отношение к воспитанию молодых писателей.

После выступления главного редактора издательства «Молодь» В. Бычко, говорившего об украинской детской литературе и невнимании к ней со стороны правления союза, слово взял поэт и критик С. Крижановский, который сказал о совершенно неудовлетворительной работе комиссии по критике и теории литературы.

— После февральского пленума правления Союза писателей Украины 1949 года, после разгрома критиков антипартизмов и космополитов, — сказал С. Крижановский, — критики успокоились, занялись захвалением произведений украинских писателей, особенно ведущих, а некоторые из них, потеряв политическое чутье, восхваляли стихотворение В. Сосюры «Люби Украину». Именно так писали критики Кобыляцкий, Шаховской, Климиньяк, Бурляя. У критиков были развиты групповина и карьеризм, многие спецализировались на отдельных писателях, словно установленные были привлекены к ним. Уже установилось, что критик Климиньяк «состоит» при Головке, Бурляя — при Сосюре, Кудин — при Бакаеве, Трипольский — при Корнейчуке, Крижановский — при Малышко, Бабшкын — при Яновском, Новицкий — при Тычине. Каждый из них считал своей обязанностью превозносить «своего» писателя и замазывать его недостатки.

Ю. Смолич подробно говорил о причинах буржуазно-националистических ошибок и других идейных срывов в творчестве литераторов старшего поколения — Л. Первомайского, С. Крижановского, Ю. Кобыляцкого, В. Сосюры, Ю. Яновского, М. Рыльского. Это, по мнению Ю. Смолича, объясняется безответственным отношением перечисленных писателей к вопросам идеологической борьбы, снижением их ответственности перед народом, отсутствием в Союзе писателей настоящей большевистской критики.

«Колхозные» романы украинских писателей Ю. Смолич считает неполноценными. Эти романы односторонне показывают жизнь, не отражая органической связи между колхозным крестьянством и рабочим классом, не дают индустриально-колхозного образа новой социалистической Украины — составной части СССР. Этот недостаток свойственен и сильному патристическому роману М. Стельмаха «Большая поляна».

Ю. Смолич подвергает также анализу новые произведения украинской литературы, посвященные важной теме восстановления украинских земель в едином украинском советском государстве. Эти произведения сильнее всего там, где они изображают капиталистическое прошлое, и слабее в изображении советской действительности. В заключение Ю. Смолич резко критикует работу руководства Союза писателей Украины с молодыми авторами.

На утреннем заседании 31 июля выступил также Д. Ткач, А. Донченко и С. Завгородний.

Вечернее заседание открылось выступлением критика Ю. Кобыляцкого. Формально признав правильность выдвинутых против него обвинений, он по существу повел свою речь на опровержение.

Ю. Кобыляцкий перекладывал вину за ошибки в своих работах даже на корректоров. Несамовритично, неискреннее вы-

ступление Ю. Кобыляцкого ни в коей мере не удовлетворило пленум.

М. Бакаев, признав тяжелой вину правления Союза писателей Украины за идеологические извращения в литературе, посетил свое выступление произведением украинской литературы на исторические темы. Он подверг критике драму Л. Дмитренко «Навски вместе» за чрезмерное увлечение автором образом знаменитца Выговского, стоящего в центре пьесы, и бледное изображение борьбы украинского народа против отечественных феодалов. Отметим низкий художественный уровень повести А. Уманьки «Даніло Галицький».

М. Бакаев резко критиковал затем роман Ивана Ле «Наливайко».

Заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. Симонов обратил внимание пленума на организационные недостатки в работе правления Союза писателей Украины. Сейчас руководители союза работают так, что их деятельность напоминает эстафету, по которой все дела переходят от одного к другому, от другого к третьему. Это порождает безответственность и волокиту при решении дел, из-за чего иногда остаются без внимания важнейшие творческие и идейные вопросы.

— Нам, писателям, — сказал К. Симонов, — которым партия доверила руководство писательской организацией в Москве или Киеве, следует неуклонно помнить слова товарища Сталина: «после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все в том числе и судьбу самой политической линии, — ее выполнение, или ее провал».

Охарактеризовав далее огромную принципиальную важность статьи «Правды», которая, при всей суровости критики, исполнена хозяйской заботы о кадрах литераторов, К. Симонов указал на неправильные позиции некоторых критиков, статьи которых за последние время появились в украинской прессе. Эти критики стали искусственно выискивать ошибки в творчестве писателей, критиковать бездоказательно. Результат такой «критики» — искажение истинной картины, в которой идеологические извращения представляют лишь исключение, а вовсе не всеобщее явление, как получается в изображении ретивых авторов некоторых статей. Не менее, чем рецензия-зубобитка, вредны рецензии-словословия. Яркий пример — работа Бурляя, который даже ухватился получить звание кандидата наук за диссертацию, позорно захвалывавшую В. Сосюру.

Утреннее заседание 1 августа началось выступлением П. Тычины.

П. Тычина, как один из заместителей председателя правления союза, признает, что в возникновении националистических срывов в значительной мере виновно руководство Союза писателей Украины. Далее он говорит о плохой работе творческих секций, а также возмущающем им кабинете молодого автора. Соглашаясь с обвинением в том, что он не критически относился к перизации своих старых произведений, П. Тычина обещал переработать непопулярные стихи или не включать их в дальнейшие издания.

М. Стельмах говорил о крупных недостатках украинской критики, которая мало помогает писателям, зачастую некалфицированная, обходит молчанием важнейшие для писателя вопросы о языке произведений. На Украине критика либо безудержно захвалывает литераторов, либо сильно их охвалает.

Заместитель председателя правления Союза писателей Украины В. Пекрасов обратил внимание пленума на факты невнимательного отношения руководителей союза к произведениям молодых авторов.

— Председатель правления Союза писателей Украины А. Корнейчук, — заявил И. Баш, — перегружен важными общественно-политическими делами и часто выезжает из Киева. Он отошел от руководства союзом и не позаботился об организации работы. У А. Корнейчука есть четыре полномочных заместителя. Почему же они практически не замещают его? Почему эти заместители установили вредную привычку, такую систему, при которой ни один вопрос не решается четко и ясно или решается одним заместителем, а другим этап?

После выступления П. Козляникова, рассказавшего о недостатках в работе львовской писательской организации, и А. Левады, указавшего на нехорошее, пренебрежительное отношение руководства союза к писателям и Комитета по делам искусств УССР к новым писателям украинской драматургии, слово взял М. Рыльский.

Литературная общественность ожидала от одного из виднейших поэтов Советской Украины М. Рыльского развернутого самокритического выступления. Но М. Рыльский, признавая свои ошибки, тут же пытался оправдать их.

Не менее удивил М. Рыльский участников пленума своей полемикой с критикой, требующими от современных произведений политической четкости формулировок и образов.

Не удовлетворило участников пленума и выступление Ивана Ле. Вместо того, чтобы по-деловому разойтись в недостатки своего романа «Наливайко», он недопустимо грубой, недостойной советского писателя форме занялся сведением личных счетов с критиковавшим его М. Бакаевом, что и было осуждено участниками пленума. Своим выступлением Иван Ле наглядно показал, как глубоко укоренилась у некоторых украинских писателей нетерпимость к критике, привычка к захвалыванию и нежелание признавать ошибки.

Критик Л. Новиченко отметил, что в среде украинской литературной общественности тревожно быстро стали забываться суровый урок, связанный с выведением ретивых украинского буржуазного национализма в 1949 году и с борьбой против критиков космополитов и антипартизмов. Кто-то пытался реабилитировать ошибочные и вредные произведения. Но ни критики, ни руководители союза не дали своевременного отпора таким вредным попыткам.

Далее Л. Новиченко указал на отдельные ошибки идейного порядка в творчестве А. Малышко, М. Рыльского, Л. Первомайского, П. Тычины. Были факты прямого зажима критики, когда руководители союза благодушно допускали расправу с негодными авторами критических статей, например, с молодыми критиками Шаховской и Глазуновым. Не менее благодушно руководители союза вели и на грубейшие систематические ошибки рапповского толка, свойственные, например, критику А. Трипольскому.

На заседании 1 августа выступил также языконец П. Белодель.

Утреннее заседание 2 августа открылось выступлением Л. Первомайского. Он критиковал организационные неполадки и другие недостатки в руководстве союзом, связывая их с деятельностью одного из заместителей председателя — Л. Дмитренко, который в свое время резко выступил по поводу космополитических ошибок Л. Первомайского. Об ошибках в своем творчестве Л. Первомайский упомянул лишь вскользь, не проанализировав их. Естественно, что его выступление не удовлетворило участников пленума.

С большим интересом было выслушано выступление заместителя генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. Суркова.

— За ошибки украинских писателей, — сказал А. Сурков, — за идеологические извращения в украинской литературе в полной мере отвечает и правление Союза писателей СССР, а в первую очередь — секретариат. Почему мы также ответственны за все указанные «Правдой» ошибки, и в частности за стихотворение В. Сосюры «Люби Украину» и написанное В. Василевской и А. Корнейчуком либретто оперы «Богдан Хмельницкий»? Потому, что если мы являемся руководителями профессоров развития всей советской литературы, то мы должны быть неслабо внимательными ко всему, что пишут литераторы на всех языках Советского Союза, обязательно быть требовательными и по-хозяйски дальновидными. Как показали последние события, мы оказались такими же близорукими и нечуткими, как и руководители Союза писателей Украины, как и печать, критика и литературная общественность Украины. Значит, тут мы с вами несем равную ответственность. Мы делим с вами ответственность еще и потому, что нечуждость к идейным ошибкам и срывам есть результат некоторых серьезных и не первый день существующих неполадков в системе литературной жизни на Украине. А если бы правление Союза писателей в Москве работало хорошо и было бы органически связано с каждым из отрядов многонациональной литературы Советского Союза, то оно во-первых заметило бы тревожное положение на Украине. Больше время от времени к нам доходили сигналы о том, что на Украине не все благополучно, что здесь есть какие-то перегибы и организационные неполадки, однако мы ничего не делали, чтобы в рабочем порядке, на ходу исправить дело. И это наша вина. В статье «Правды» есть обвинение, прямо адресованное правлению Союза писателей СССР. Речь идет о перекладывании на язык других народов СССР на русский язык, о крупнейших недостатках в переводческой работе, которые осуждались в связи с опубликованием идейно порочного буржуазно-националистического стихотворения В. Сосюры.

Охарактеризовав положение в переводе, как неудовлетворительное, А. Сурков подчеркнул ответственность за качество переводов, лежавшую и на авторах стихотворений.

— Крупные поэты почти всех братских республик достаточно хорошо знают русский язык для того, чтобы поймав недорословность переводчика за руку и сказать: «Не пошло!» Но они не делают этого, а некоторые поэты даже поощряют такую отсталость.

Далее А. Сурков переходит к вопросам критики.

— Именно руководители Союза писателей, — говорит он, — именно ведущие писатели должны правильно, вдумчиво, по-большевистски воспринимать критику в свой адрес. Иначе критика в организации вообще не будет, как это и случилось в Киеве, да и в некоторых других местах. Везде критика, в таком случае, познание особый жанр, жанр хвалительной оны. Я прочел несколько книжек украинских критиков: Трипольского о Корнейчуке, Шумило о Гончаре, Климиньяк о Головке, Шаховского о Тычине и две книжки Крижановского о Малышко. Все эти книги о талантливых, ведущих украинских писателях, но они написаны как будто не для читателей, а лишь для тех, чьи порты есть помешаны на обложках, т. е. для самих писателей, — настолько они безудержно клят фимам. И получается так, что все эти писатели, молодые сердцем, полные творческих возможностей, стремящиеся к новым свершениям, становятся критиками в положение людей, которым уже нечего писать, нечего делать, которые уже всего добились. Им остается разве что стать бронзовыми монументами на Владимирской горке, — так изображали их славолюбивые критики.

Затем А. Сурков приводит и противоположные примеры — статьи в киевских газетах о Н. Ушакове и С. Крижановском, появившиеся в последнее время. Об этих поэтах надо критиковать. У них есть серьезные недостатки, но нельзя с таким махом перечерчивать все их творчество, как это грубо и неубедительно делают критики А. Трипольский и С. Лутан. Такая «критика» по принципу «врагамись, рука» только вредит делу. Например, Лутанича почти расправился с Н. Ушаковым. А поэт Н. Ушаков при многих его недостатках, в частности тех, на которые справедливо указывала «Правда», все же сделал, как переводчик для популяризации украинской поэзии в широких кругах русских читателей, очень много и не хуже, а лучше, чем многие московские переводчики.

— Нам всем надо помнить, — сказал в заключение А. Сурков, — что мы живем в такой прекрасный период, когда жизнь следственно падает на ступ литератора все новые и новые темы огромной важности. Партия Ленина — Сталина, весь советский народ возмущены к тому, чтобы они чутко улавливали все это новое, творче-

ски обосновывали его и отображали в глубоком идейном и высоко совершенных художественных произведениях. Наш народ под руководством великого Сталина неудержимо идет к коммунизму. Место советских литераторов — в первой шеренге строителей коммунизма. Можно не сомневаться, что в этой шеренге, докопавшись к истокам с русскими писателями, с писателями всех братских республик будет идти сильный и идейно здоровый отряд украинских писателей.

Секретарь партийной организации киевских писателей поэт П. Воронько обратил внимание пленума на слабость работы по повышению идейно-теоретического уровня писателей. Если партийная организация и наладила марксистско-ленинскую учебу среди писателей коммунистов, то беспартийные писатели почти не были охвачены политическим просвещением. Затем П. Воронько рассказал, как непрочно и безответственно правление ССП Украины давало писателям творческие командировки, которые нередко превращались в увеселительные прогулки.

Н. Рыбак рассказал пленуму о недостатках в работе возглавляемого им редакционного совета издательства «Радянський письменник».

— Наш редакционный совет, — сказал П. Рыбак, — не помогает литераторам и выпускает в свет незавербытые произведения. Весь стиль работы редакционного совета неправильный, не большевистский. Мы часто боимся сказать правду писателю, о произведении которого идет речь на заседании совета. И заседания у нас много, обсуждений немало, но всякий раз мы избегаем открытой резкой критики. Это и есть беспринципность, самоуслаждение, проявление приятельских отношений. Так, например, обстояло дело с обсуждением новой редакции романа Ю. Яновского «Живая вода». Так появился в свет порочный язык Ю. Кобыляцкого об Иване Франко. И я, как председатель совета, несу за это полную ответственность.

А. Хижняк, признавая слабость редактурируемой им «Литературной газеты», жаловался на то, что писатели фактически не принимают в ней участия, а руководители союза устранились от помощи газете.

Отделавшись буквально несколькими фразами о своих собственных ошибках, критик А. Трипольский углубился в многословную полемику с другими критиками. Эта полемика была явно тенденциозной и наглядно подтвердила наличие групповщины в украинской литературной критике.

О проявлениях украинского буржуазно-национализма, ненавистного украинскому народу, говорил А. Малышко. Опенив выступление В. Сосюры, А. Малышко сказал:

— Меня не удовлетворяла речь В. Сосюры. Мы знаем, что за тридцать лет он создал много талантливых стихов, отображающих жизнь нашего народа. Но он написал так же немало порочных произведений. Тогда под руководством партии наша страна начала наступление на капиталистические элементы. В. Сосюра не до конца понял великую историческую миссию нашего народа и написал вступительные стихи «Сердце». Во время Великой Отечественной войны, не почувствовав героической борьбы нашего народа и снова не поняв его великой исторической миссии, В. Сосюра писал унылые и апатичные стихи и среди них такое порочное стихотворение, как «Люби Украину». Если бы В. Сосюра все это до конца осознал, он сам раскрыв бы на пленуме свои ошибки, а не заменил бы глубокий анализ своих идейных срывов тупым поверхностным стихотворением.

Зам. председателя союза Л. Дмитренко полностью признал правильность критических замечаний в адрес руководителей ССП Украины.

— Нельзя отрицать, — сказал Л. Дмитренко, — что у нас в союзе приветливы и приятельские отношения и групповщина. От этих пороков всегда один шаг до грубого зажима критики. Это и произошло в действительности. Наша задача — изжить недостатки, добиться здоровой атмосферы в союзе, чтобы не дать возможности укрыться даже малейшей идеологической ошибке, малейшему репливу буржуазно-национализма и космополитизма.

С большой речью выступил на пленуме секретарь ЦК КП(б)У тов. Н. Назаренко. В заключительном слове А. Корнейчук сказал:

— За последние годы у нас не было такого пленума. Мы впервые по-настоящему великодушны критиковали друг друга. Критика в адрес руководителей Союза писателей Украины и в частности в мой адрес — безусловно правильная. Я не хочу преувеличивать. Это только начало серьезной деловой критики, и мы должны еще много сделать, чтобы ответить работой, нашими произведениями на то предупреждение, которое нам сделала «Правда». А для этого нам нужно смотреть на мир шире, видеть всю нашу великую прекрасную Советскую Родину, строящую коммунизм. Нам святой долг повысить бдительность в борьбе против злейшего врага нашего народа — буржуазного национализма, в борьбе с проявлениями космополитизма. Мы должны бороться против апатичности и бездельности, помнить об ответственности каждого писателя перед своей национальной советской культурой, перед своим советским народом. Позвольте мне от вашего имени заверить ЦК большевиков Украины, ЦК ВКП(б) и нашего родного вождя и учителя товарища Сталина, что украинские писатели сделают все для быстрой и неуступчивой своей работы и создания произведения, достойного нашего великого народа.

Пленум обсудил и принял развернутую резолюцию, которая в связи с вскрытием газетой «Правда» идеологических извращений в литературе определяет конкретные задачи Союза писателей Украины.

Участники пленума с огромным воодушевлением приняли текст письма лучшему другу украинского народа, заботливому наставнику всей советской многонациональной литературы, великому и мудрому вождю и учителю Иосифу Виссарионовичу Сталину.

За высокую идейность и художественное мастерство!

На партийных собраниях писателей

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Состоялось открытое партийное собрание писателей Ленинграда, посвященное обсуждению статьи «Правды» «Против идеологических извращений в литературе».

С сообщением выступил ответственный секретарь отделения ССП А. Чивилихин. — Редакционная статья «Правды», — сказал он, — имеет большое принципиальное значение для всех областей советской культуры, литературы — в особенности.

В статье «Правды» правильно критикуется работа редакции журнала «Звезда». Журнал ослабил борьбу с проявлениями буржуазной идеологии — формализмом, космополитизмом. В журнале мало печатаются произведения, воспитывающие у советских людей ненависть к поджигателям новой войны, американско-английским империалистам. Журнал не уделяет должного внимания вопросам литературы в свете генеральных трудов товарища Сталина по языкованию. Отдел критики и библиографии остается самым слабым отделом журнала. Грубой ошибкой журнала является напечатание глав из работы П. Груздева «Горький и его время».

Причиной серьезных недостатков в работе журнала являются нетерпимое отношение членов редколлегии к критике и взаимное ограждение от критики, безответственное отношение главного редактора В. Дружина к своим обязанностям, семейственности и приятельские отношения среди работников журнала.

Не следует думать, говорит А. Чивилихин, что приятельские отношения, отсутствие критики и самокритики характерны только для редколлегии «Звезды». Эти недостатки присущи и нашей писательской организации. Очень редко можно услышать у нас критические замечания в адрес наиболее активно работающих писателей — В. Пановой, В. Саянова, О. Берггольц, а ведь в их работе есть свои недостатки. Мы стыдливо умалчивали о слабых сторонах творчества А. Прокофьева, о его ошибках, и это повредило прежде всего самому Прокофьеву, да и всем нам.

На собраниях развернулись оживленные прения.

В. Саянов подчеркнул необходимость постоянного идейного роста писателей, борьбы за художественное мастерство. Поэт А. Ремезов говорил, что отсутствие большевистской критики может породить дурные авторитеты, великое от литературы. Он указал, в частности, что, выступая с докладом о творчестве А. Прокофьева на недавнем собрании последнего, А. Лемоньев дал глубоко неверную оценку творчества поэта.

Секретарь партбюро отделения ССП П. Луговой подверг критике руководителей отделения издательства «Советский писатель». После статьи в «Правде» об идеологических извращениях в литературе, после статьи об ошибках в творчестве А. Прокофьева издательство выносит на секретариат отделения ССП план, в котором четко было бы искать произведений с великими стройками коммунизма, о борьбе трудящихся Ленинграда за технический прогресс, но пренебрежено издание монографии об А. Прокофьеве. Г. Миропищенко критиковал членов редколлегии «Звезды» за порочный, «партизанский» стиль работы.

С. Воронин говорит, как о ярком примере нетребовательности, о том, что в «Звезде» недавно напечатана бесцветная, испускающая жизненную правду повесть В. Лифшица «Первоуральск». Эту повесть Лифшица на скорую руку скроил из пьесы «Студенты», а пьесу в свою очередь сделал из неудавшегося киносценария. Вопреки писательской этике и в обход существующих правил В. Лифшица ухватился свою явно плохую повесть одновременно напечатать в журнале «Звезда» и выпустить отдельной книжкой в Ленинграде.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

Неубавительным было выступление главного редактора журнала «Звезда» В. Дружина.

А. Прокофьев заявил о признании своих ошибок и заверил, что будет настойчиво работать над их преодолением.

В прениях приняли участие также Л. Попова, А. Попов, Т. Трифонова, В. Лифшица.

Секретарь Ленинградского обкома БМР(б) Н. Казьмин остановился на серьезных идейных ошибках в работе редколлегии «Звезды» и заведующего отделом поэзии А. Прокофьева. Тов. Казьмин указал причины этих ошибок, явившихся следствием того, что партийная организация ленинградских писателей еще слабо ведет идеологическую работу среди литераторов, недостаточно уделяет внимания вопросам марксистско-ленинского образования. Он призвал писателей Ленинграда создать ярые произведения о советском рабочем классе, о новаторах, передовиках борьбы за технический прогресс, за выполнение обязательств, данных ленинградцами в письме товарищу И. В. Сталину.

Собрание приняло постановление, направленное на искоренение идеологических извращений в творчестве отдельных писателей, на борьбу за высокую идейность и художественное мастерство произведений, за неуклонное и последовательное выполнение решений партии, указаний И. В. Сталина по идеологическим вопросам.

Минск. (Наш корр.). Собрание партийной организации белорусских писателей обсудило статью «Правды» «Против идеологических извращений в литературе».

Секретарь бюро партийной организации ССП Белоруссии И. Шамакин в своем докладе подчеркнул, что редакционная статья «Правды» имеет исключительное важное значение для всей многонациональной советской литературы.

Было бы неправильно утверждать, — сказал докладчик, — что писательская организация белорусских работников безразлично, что у нас не было ошибок, срывов, недоделок.

Особенно большой ошибкой И. Шамакин считает опубликование в восьмом номере журнала «Белорусь» за 1949 год идейно-порочного стихотворения В. Сосюры «Люби Украину» в переводе М. Ташка.

В газете «Литература і мастацтва» были напечатаны стихи А. Беленька «Расти, мой лен», А. Булешова «Земля и море», «Земля и море», содержащие и образные средства которых не выражают характерных черт нашего времени. Под влиянием можно поставить любую дату, даже доволночную.

Значительные недостатки имеют место и в работе переводчиков. Об этом убедительно говорит тот факт, что при переводе стихотворения В. Сосюры «Люби Украину» М. Ташка, зная, что это несовместимо с требованиями перевода, произвольно менял смысл отдельных строк произведения, чтобы смягчить его идейную порочность.

Ошибки, допущенные белорусскими литераторами, докладчик объясняет отсутствием в среде писателей принципиальной большевистской критики, ослаблением общественных форм творческой критики и недостаточно оперативным руководством работой секций со стороны президиума Союза писателей Белоруссии.

И. Шаховской, В. Агивич, П. Глебка, П. Бровка, П. Ковалев, выступавшие в прениях, значительно дополнили докладчика. П. Бровка в своем выступлении призвал писателей республики к повышению идейного качества произведений.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Собрание приняло резолюцию, направленную на улучшение творческой работы в Союзе писателей Белоруссии.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Следует отметить, что собрание было подготовлено недостаточно хорошо. Многие вопросы, связанные с борьбой против пережитков буржуазного национализма, не нашли широкого отражения ни в докладе, ни в прениях.

Книга о социалистическом реализме

Справедливые жалобы на слабую разработку теории литературы, в особенности социалистической эстетики, стали у нас повсеместной частью всех выступлений по вопросам критики и литературоведения.

Вышедшую недавно работу Б. Бурсова «Мать» М. Горького и вопросы социалистического реализма надо приветствовать уже за то, что она представляет собою смелую попытку решения некоторых общих вопросов истории русской литературы и критики и, что особенно важно, вопросов социалистического реализма.

Значительную часть своей книги Б. Бурсов отводит рассмотрению исторических и теоретических предпосылок появления социалистического реализма.

Справедливо придавая огромное значение эстетике русских революционных демократов и русской классической литературы, он пишет, что русские революционные демократы в своей критике и художественном творчестве, хотя и не могли преодолеть свойственную им историческую ограниченность, все же являлись предшественниками теории и художественной практики социалистического реализма.

В этом отношении книга Бурсова направлена против того преобладания классического наследия, которое еще недавно преобладали новороманские «теоретики» типа Белкина.

Решительно выступает Б. Бурсов и против, в сожаление, распространяемых и ведущих свое начало от реакционеров типа Шевырева и Дружинина предвзятых об «односторонне критическом, отрицательном направлении русской классической литературы и эстетической мысли, о том, что русскому классическому реализму не свойственно положительное, утверждающее начало. Сила русского реализма и материалистической эстетики XIX века заключается, как показывает Бурсов, не только в критике самодержавно-крепостнической действительности, но и в утверждении идеалов. Иначе и быть не могло в литературе и критике, неразрывно связанной с освободительным движением русского народа.

«Изображения положительных начал в жизни всегда занимали огромное место в передовой русской литературе», — пишет Б. Бурсов. «Проблема положительного героя», — утверждает он, — старая, узловая проблема реалистической эстетики Чернышевского и Добролюбова. Именно в пропаганде литературы и критике революционной демократии передовых идеалов, в создании образов положительных героев видит Бурсов подготовку почвы для социалистического реализма.

Критика пороков и об односторонне критическом характере русского реализма и эстетики революционной демократии является, несомненно, одной из сильных сторон работы Б. Бурсова. Но здесь же находится и ее узловые места. Дело в том, что, всячески подчеркивая утверждающий характер русской классической литературы и критики, наличие в произведениях русских классиков положительных идеалов и героев, Бурсов упускает из известной крайности и «забыл» о критическом по преимуществу характере рус-

А. ДЕМЕТЬЕВ

ского реализма. На его поля зрения выпала даже борьба Великого против реакционной критики, за «контрастное направление» в литературе, борьба Чернышевского и Добролюбова против Дружинина и А. Григорьева, за гоголевское направление русской литературы.

С другой стороны, никак нельзя согласиться с той дилетантской романтизацией в литературе прошлого, которую производит Б. Бурсов. Утверждая, что «учителями наших писателей» можно назвать великих реалистов прошлого, Бурсов спрашивает: «А кого же из романтиков можно рассматривать в качестве учителей нашей литературы? Где такие писатели-романтики? Их нет. Думается, что для доказательства ошибочности мнений о том, что социалистический реализм представляет собой соединение реализма (критического начала) с романтизмом (утверждающим началом), вовсе не обязательно ликвидировать романтизм и заглушать преимущественно критический характер русского классического реализма.

Однако рассмотрение исторических и теоретических предпосылок социалистического реализма занимает лишь вступительную часть работы Бурсова. Основу же ее составляет анализ романа Горького «Мать», как романа нового типа в истории русской и мировой литературы — произведения с новой композицией, с новым построением сюжета и способом раскрытия человеческого характера. Не ограничиваясь общими определениями социалистического реализма, Б. Бурсов пытается показать, как принципы нового художественного метода обусловили и новую художественную структуру произведения. Такой подход к материалу не может, разумеется, не встретить самого горячего сочувствия, так как давно назрела потребность перейти от общих разговоров о социалистическом реализме к изучению тех художественных форм, которые созданы и созданы на его основе.

Многие соображения Б. Бурсова о романе «Мать», как типе романа социалистического реализма, представляют значительный интерес. Так, композиция романа «Мать», в отличие от романов критического реализма, строится, по мнению Бурсова, «не на основе психологических конфликтов, хотя бы и являющихся отражением социально-исторических конфликтов, а именно на основе этих последних». Другая особенность композиции романа «Мать» заключается в том, что это роман о народе. «В композиционных узлах романа», — пишет Б. Бурсов, — переплетаются не судьбы отдельных лиц, хотя бы и являющихся выразителями глубоких общественно-исторических противоречий, а судьбы масс и классов. Наконец, важной чертой композиции романа «Мать» является ее «перспективность». В то время как классический роман страдал ограниченностью, «сушестью» исторической перспективы, роман Горького «исторически перспективен, и эта перспектива раскрывается его композиционными построениями».

Положительные и наблюдения Б. Бурсова над сюжетом романа «Мать». В противоположность большей части романов критического реализма, в основе сюжета

которых лежит все же частная судьба отдельных героев, роман Горького имеет сюжет, основанный не столько на изображении судьбы отдельных героев, сколько на изображении их исторического дела, историчности их дела и историчности их борьбы. Социальная борьба рабочей массы и составляет, по мнению Бурсова, сюжетную основу романа Горького. Если различия классического романа показывала обычно итоги поисков истины его героем, то различия в романе Горького «символически обозначают борьбу за истину».

Метод социалистического реализма определяет, по мнению Бурсова, и новый тип создания и раскрытия характеров в романе Горького. Унаследовав от классиков принцип изображения человека в его развитии (на основе борьбы старого и нового в его сознании), Горький, в отличие от них, показывает, как человек растет и развивается не только в поисках правильного пути в жизни, но «делая исторически важное дело рабочего класса и осуществляя тем самым найденные революционной партией единственно правильные пути». Так, этих духовного развития Павла Власова связаны «не с переменами его взглядов и убеждений, а с углублением и расширением их, с ростом всего его мировоззрения, с накоплением политического и организационного опыта».

Суждения Б. Бурсова о романе «Мать», как поном типе романа, несомненно, обогащают наши представления о замечательном произведении Горького, но иногда нуждаются в дальнейшем уточнении и разрабатке. Например, Бурсов почти не касается процесса становления социалистического реализма в творчестве Горького и обходит молчанием такие произведения, как «Несчастье Соколова», «Старуха Изергиль», «Девушка и Смерть». Между тем обращение к названным произведениям позволило бы ему столь прямолинейно ликвидировать романтизм в литературе и дать бы возможность раскрыть в романе Горького также черты, которые оставлены Б. Бурсовым в тени. Как известно, революционный романтизм нового типа входит в социалистическое литературное творчество, как его составная часть.

При определении принципов социалистического реализма и их конкретно-художественного проявления в творчестве Горького Б. Бурсов не обратил должного внимания на исключительно важную роль труда в нашей эстетике. Изображение свободного труда, ставшего делом чести, доблести и героизма, представляет существенную особенность литературы социалистического реализма, определяющую во многом и ее идейное содержание и ее художественную форму.

Не всегда точен и справедлив Б. Бурсов и в своих оценках классической литературы. Его мнения о бесперспективности композиции реалистических романов прошлого, о семейном, частном характере этих романов часто кажутся преувеличенными. Например, опровергающих подобные мысли, так много (и не только среди произведений, созданных революционными демократами), что нет необходимости их приводить. Однако как бы ни были их положения работы Б. Бурсова, она является, несомненно, одним из достижений нашего литературоведения, книги, помогающей глубже понять идейно-художественные особенности советской литературы и стоящие перед ней задачи.

СЫКТЫВКАР. (Наш корр.). Правление СПИ Коми АССР и обком ВЛКСМ провели третье республиканское совещание молодых авторов, в котором участвовали начинающие поэты, прозаики и драматурги республики. Участники совещания прослушали

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

доклады и лекции «О современном состоянии Коми советской литературы и о задачах молодых авторов», «О мастерстве писателя», «О работе над рассказом и очерком». Работали также творческие семинары. Творчеству молодых авторов посвящен

А. АНАСТАСЬЕВ

Слово и характер в драме

Величие сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания» состоит в том, что книга эта, словно мощный прожектор, осветила все области нашей идеологической работы.

«Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания». «...язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества».

Таково значение языка в общественной жизни. Ну, а в литературе, в драматургии? Ведь писатель решает все свои задачи при помощи художественного слова. Ведь, окаяем, драматическое произведение по самому существу своему есть отражение действительности путем показа людей в их общении и борьбе. Люди в драме встречаются, обмениваются мыслями, их мировоззрения, их взгляды сталкиваются — и в этом общении и борьбе раскрываются типические черты человека, выражается идея драмы. А средство общения, обмена мыслями, взаимного понимания и борьбы героев драмы — язык, слово.

Как же велико значение языка в драматургии, как велика творческая ответственность писателя, когда он строит диалог — художественную основу драмы!

Идея реалистической драмы выражается, прежде всего, в том, что говорят ее герои, в достижению какой цели направлены их действия. Однако сказать только это в применении к художественному произведению — значит сказать половину правды. Мы знаем немало пьес, герои которых добиваются высокой цели, высказывают глубоко верные мысли, и тем не менее пьесы эти — в целом или в отдельных частях — оставляют читателей или зрителей холодными. Это происходит в тех случаях, когда драматический герой не раскрывается перед зрителем, как живой человек, со своей судьбой, характером, индивидуальными особенностями, а лишь выполняет роль «функции», предназначенную ему драматургом.

Разве композитор Мельников из пьесы С. Михалкова «Няня Голованова», судя по содержанию его речей, не думает так, как

думают передовые советские художники, разве не он выступает в пьесе, как обличитель буржуазного космополитизма, как борющийся за подлинно народное искусство, или не его творец? По замыслу автора все это так. Но сухость, безжизненность риторических изысканий Мельникова ведет к тому, что зритель, послушав его, пусть и соглашается с ним, но тут же забывает о его существовании, ибо автор не познакомил нас с этим человеком, не заставил заинтересоваться им. Б. Солженицын, такие поименованные фамилиями и должностями функции нередко выполняются в наших пьесах. На память приходят времена из «Зеленой улицы» А. Сурикова, Климов из «Совести» Ю. Чепурина, Зорин из «Государственного советника» М. Сагаловича и Б. Фаяса, Лавров из «Потерянного дома» С. Михалкова... Эти и подобные им люди лишены характера, лишены жизни, а в драме каждая идея доходит до зрительского сердца и ума лишь в том случае, если носителем ее является живой человек.

Язык, спичечная речь — главное и могущественное средство выявления характера драматического героя. Что же представляет собой строгая, своеобразная и предельная выразительность спичечной речи? Почему лишь такая речь активно служит выражению идеи драмы и рождает то, без чего не существует искусство, — воздействие не только на разум, но и на чувство зрителя?

Для ответа на эти вопросы обратимся к одному из бесчисленных примеров из драматического творчества Максима Горького.

«Враги». Действие первое. Фабрикант Михаил Скроботов, разъяренный и окончательно выведенный из состояния равновесия все нарастающим протестом рабочих, с гневом и сарказмом сообщает своему компаньону о «важном» требовании рабочих уволить мастера Личкова. Как на это смотрит Захар Иванович Бардина?

— Я? Гм... Личков? Это... который kereszt... И насчет девиц что-то такое?.. Прогнать Личкова, разумеется! Это — справедливо.

Да, Захар — за справедливость, он против насилия, и когда Скроботов озабочен, что справедливость «пугнула» для дела, Бардин попросту высмеивает его:

— Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

Михаил Скроботов, возмущенный либерализмом Захара, с помощью брата — товарища прокурора — настаивает на том, чтобы не потакать рабочим, потому что уже «скашан запах социализма». Он решительно предлагает закрыть завод — «пусть немножко поголодают, это их охладит». И по мере того, как нарастает атака Скроботовых, «справедливый» суждения Бардина иссякают. Вот, последовательно, его реплики:

— Позвольте... Зачем же так?

— Но, дорогой мой, если он бьет людей по зубам... и протест? Согласие с — культурные люди!

— Но разве Личков такой ценный человек, а?

— Да, я понимаю! Но...

— Что же вы хотите делать? А?

— Но, знаете, эта мера... вызвана ли она необходимостью?

— Если я пойду поговорю с вами, а?

— Вот она, последняя соломинка, за которую хватается утопающий «правдолюб». Но Скроботов резко отвечает этот выход: «...Вы извините меня, но ваша колесница мне обидна, да!».

Знал, хорошо знал Скроботов своего компаньона. Вот чем можно его доконавать: ведь, пожалуй, Михаил Васильевич виртуоз общается, а это так неприятно... И Захар поспешно, как сказано в ремарке, говорит:

— Но, дорогой, ведь я не возражаю, я только думаю, Вы знаете, я больше помню, чем промышленник...

Финал этой «схватки» великолепен: спустя некоторое время, жена Бардина, Полина, заметила:

— ...Мы (!) решили закрыть завод за время, пока рабочие успокоятся...

Мы впервые встретились с Захаром Бардиным и выслушали лишь несколько коротких реплик, но нам совершенно ясно, что это за тип, какова пена его либерального предрассудочного. В живом, конкретном человеке, таком, казались бы, добром, мягким и, быть может, только чересчур «сторонником», мы увидели общественное явление — буржуазный либерализм во всей его отвратительной наготе. Писатель достиг этого потому, что во всей речи Бардина отражены характер-

ные черты высокопарного болтуна и труса, живущего по правилу: «применительно к полочке». Все эти недомолвки, вопросы, паузы не случайны, а обязательны в речи Бардина.

Требование индивидуализации характера героя (а значит, прежде всего его речи) утверждено советскими драматургами в борьбе против формализма и эстетики на сленге, оно находит непоколебимую опору в марксистско-ленинской диалектике. «Общее существует лишь в отдельном, четче отдельно», — писал В. И. Ленин в статье «К вопросу о диалектике». «...Всякое общее есть (частичка или сторона или сутьность) отдельного». Это положение является одним из основополагающих для метода советского искусства — метода социалистического реализма.

Лучшие произведения советской драматургии, развивавшейся в традициях русской классической драмы, отмечены печатью мастерства речевой характеристики образа. Образы Любови Яровой, капитана Берсенева, Голуна, Пекельянова, Ивана Шардина, Таланова, Макара Дубравы и многие другие вошли в сознание народа потому, что высокие, типические черты советского человека — борца и строителя новой жизни — нашли выражение в живых человеческих характерах. С образами Достоевского, Какого-нибудь Елагина или Незеласова, а позднее Фаяса или, скажем, Лосева, или Углеры связываем мы свои реальные представления о разных по своему социальному содержанию врагах Родины, на разных этапах истории страны, ибо у всех у них, кроме «общеласового», есть тот индивидуальный стержень, о котором говорил Горький.

Наши драматурги стремятся индивидуализировать речь своих героев, переложить в характере речи характер человека. Однако порой индивидуализация речи драматического героя толкуется ошибочно, порой доктринерски, ханжески.

Нельзя, например, требовать от драматурга, чтобы он, изображая современную советскую жизнь, во имя «принципа индивидуализма» обязательно прогонял резко грань между языком рабочего или колхозника и языком ученого. В жизни этого уже нет. Неземлемо выросший и все возрастающий уровень культуры советских людей выражается и в том, что общепартийный, чистый, свободный от элярия «ласовых» жаргонов и облачных диалектов язык становится

достоянием всех людей советского общества.

И неправильно поступают драматурги, которые не считают с тем, что происходит в жизни, все еще стараются говорить своих героев-колхозников языком, в котором трудно добиться до смысла, обычно сдобренного вульгаризмами и диалектизмами. Речь идет не о том, что тут или иной писатель «допустил» в пьесе грубое слово, неграмотный оборот, — речь идет о том, что порой весь строй языка действующего лица неадекватно, вульгарно, эпатирует изолированно от общенародного языка.

В пьесе Н. Вирты «Хлеб наш насущный» есть второстепенный персонаж Парфен Зорин. Жена его, Матреша, «вытаскивает», как сказано в ремарке, Парфена на спину:

Зорина: Вот он, вот он! Кровь он из меня пьет. У-у, фарзон!

Парфен: Расшучился! Сама же меня преобразовала в бессловесное существо.

Елена: Какой-то ты крестный, Парфен. Не заедушь ли?

Парфен: И то! К печочкам подпиреет.

Голос: Ты бы полегчала!

Парфен: Вперась эта выпих, оно и полегчало. А none баба не хозяйка, оно и обратно. Оттого и работа валится.

Рогова: Моложьбу снова начинаем. Как у тебя в инвентарем? Делается?

Парфен: Этого... самого...

Зорина: Да ты вываливай, вываливай словеса-то! Что они, в печочках застревают, что ли?

Парфен: Да ведь, во-первых, на машина была валяла. Да и Матреша мово, сына-то мово, на конный двор. А что и без него?..

Что же он, этот Парфен, судя по речам его? Отсталый, темный человек, втянуто не научившийся в колхозной жизни? Был ват и тапке, впрочем и он не говорит так нарочито безграмотно. Но ничего подобного! Он — кузнец передового колхоза, он, как выясняется вскоре, хорошо работает, а жена его — секретарь колхозной парторганизации и член президиума райисполкома. И становится ясно: ничто не побуждало писателя наделять героя языком темного крестьянина и выдать его за пьяницу и «попымачника», кроме желания как-нибудь да «индивидуализировать» его, дабы можно было отличить от других.

Ошибаются те чересчур строгие критики, которые готовы ругать в пьесе Парфену лишь за то, что в диалоге встреча-

СКУЛЬПТУРЫ ДЛЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Многие ленинградские скульпторы работают над изваяниями замечательных деятелей русской науки, которые украсят входные залы и аудитории нового высшего учебного заведения. Московского университета. М. Литовченко закончила бюст изобретателя радио А. С. Попова. Скульптурные портреты гениального математика Н. И. Лобачевского и выдающегося химика С. В. Лебедева созданы скульптором Н. Додыкиным. Закончил работу над бюстом великого русского новатора В. В. Докучаева профессор И. И. Крестовский.

Эти бюсты будут высечены из гранита и установлены у главного входа в университет. Для нового здания предназначены и новые работы народного художника СССР М. Маннзера. Это бюсты бронзовые фигуры И. П. Павлова и Д. И. Менделеева. Они будут установлены в вестибюле главного зала. Фигуры И. В. Мичурина и Н. Е. Жуковского для этого же фойе готовит скульптор Е. Ясон-Маннзер. На снимках: слева — скульптор М. Литовченко работает

над бюстом А. С. Попова, справа — народный художник СССР М. Маннзер у скульптуры Д. И. Менделеева. Фото А. ПОГОРЕЛОВА.

Тунгусский метеорит или... „марсианский корабль“?

Акад. В. ФЕСЕНКО, председатель Комитета по метеоритам Академии наук СССР
Е. КРИНОВ, научный секретарь Комитета по метеоритам Академии наук СССР

обсерватории, а также обсерваторий Европы свидетельствуют, что Тунгусский метеорит все же достиг земной поверхности. Удар его о землю сопровождался сильными взрывом. На месте падения произошло вывал леса. Все это означает, что метеорит был огромных размеров. По произведенным расчетам, его начальная масса равнялась нескольким миллионам тонн. Тем не менее земной поверхности могла достичь только сравнительно незначительная часть метеорита, а вся основная его масса расплылась в атмосфере.

Интересное сравнение можно сделать с Сихотэ-Алиньским метеоритом, упавшим в 1947 году в Приморском крае. Этот метеорит вторгся в атмосферу со скоростью 14 км в секунду и имел начальную массу около 1.500—2.000 тонн. Между тем земной поверхности достигла масса весом всего лишь около 100 тонн.

Распыление в атмосфере значительной массы Тунгусского метеорита подтверждается тем, что после его падения несколько суток стоял необычайно светлый день. Частицы метеорита в виде тончайшей пыли быстро разнеслись в верхних слоях атмосферы над огромной территорией и отражали лучи солнца, не заходящего в летнее время глубоко под горизонт. Светлые ночи, в свою очередь, создали благоприятные условия видимости серебристых (светящихся) облаков во многих местах нашей страны. Как известно, серебристые облака ежегодно наблюдаются в северных широтах и никакого отношения к светящимся продуктам радиоактивного распада, как это приписали Б. Ляпунов и А. Казанцев, не имеют.

Что же получилось с остатком Тунгусского метеорита, который достиг земной поверхности? Этот остаток, составивший, как мы уже показали, всего лишь незначительную долю метеорита, ударился о земную поверхность со скоростью не менее 4—5 км в секунду (только при этом условии мог произойти взрыв, отмеченный сейсмографами). Весь огромный запас его кинетической энергии в один миг преобразовался в мощную ударную волну, от которой произошло разрушение кристаллической решетки вещества метеорита. Метеорит превратился в мельчайшую пыль и частично в газ; возникла взрывная воздушная волна, приведшая к вывалу леса. Таким образом, не подлежит сомнению, что от Тунгусского метеорита

могли сохраниться только пыточные мелкие осколки, рассеявшиеся по тайге, или даже вообще ничего не сохранилось (особенно, если метеорит был кометный). Поэтому и оказались безрезультатными все попытки Л. Кулика найти части Тунгусского метеорита. Нужно даже отметить, что взрыв Тунгусского метеорита произошел не на высоте нескольких сотен метров, как фантазирует А. Казанцев, а при ударе о земную поверхность. Это подтверждается тем, что во всех уцелевших между сопками в окрестности места падения метеорита лес, защищенный сопками от взрывной волны, уцелел на корню.

В настоящее время известны целый ряд так называемых метеоритных кратеров, расположенных в разных странах. Эти кратеры образовались в результате падения метеоритов, сопровождавшихся взрывами. Кратеры имеют от десятка метров до нескольких километров в поперечнике. Вокруг кратеров были обнаружены многочисленные мелкие осколки железных метеоритов самых обыкновенных типов. Однако ни в одном кратере не было найдено крупных метеоритных масс. При падении Тунгусского метеорита также мог образоваться кратер. Однако метеорит этот упал в низинное место, заполненное ветром мерзлым илом толщиной в несколько десятков метров и покрытым полимерными осадками торфа (район падения метеорита находится в области вечной мерзлоты). Поэтому образованный первоначально кратер диаметром, возможно, в десятки или немногие сотни метров, вследствие того, что он растянулся, быстро наполнился водой. Вода затопила и всю окрестную поперечником в 3—5 км. Этим и можно объяснить тот факт, что на месте падения метеорита образовалось огромное болото и нет кратера, подобного тем, которые образовались в твердой грунте в других местах.

Итак, никакой «кагадми» Тунгусский метеорит не представлял, и его широта не вызывает никаких сомнений.

У советских ученых, работающих в области метеоритики, выдвинул Б. Ляпунов и А. Казанцев вызывают возмущение. Под видом научно обоснованных объяснений авторы статей распространяют калугу. По меньшей мере удивление вызывает также то обстоятельство, что редакция журналов «Знание — сила» и «Техника — молодежи» публикуют эти выдумки и вводят в заблуждение своих читателей. Такая оценка статей Б. Ляпунова и А. Казанцева дана в резолюции третьей метеоритной конференции, прошедшей в Москве в 1951 году.

Мы не против фантастики. Она нужна и полезна. Мы против научно необоснованной фантастики, такой, которая вносит путаницу в представления читателей.

Такой путаницы в критике не способствует обогащение языка нашей драматургии. Но плохо, когда писателя, теряя чувство меры, перегружает речь героя словами, находящимися за пределами общенародного языка; в этом случае они ставятся на позицию натурализма.

Вспомним драгоценный опыт русской классической драматургии. У Грибоедова и Гоголя, Островского и Чехова каждый герой говорит по-своему, и в этой «своей» речи отчетливо вырисовывается его облик, характер. Но вместе с тем все они говорят на общенародном русском языке. Вот, например, разговор, происходящий между «чужоком» из Петербурга и «чужеродцем»:

Унтер-офицера: На городничего, батенька, пришла...

Хлестанов: Ну, да что, ватем? Говори в коротких словах.

Унтер-офицера: Высе, батенька!

Хлестанов: Как?

Унтер-офицера: По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задралась на рынке, а полица не похосела, да и схвати меня, да так отпартовала: два дня сидеть не могла.

Хлестанов: Так что ж теперь делать?

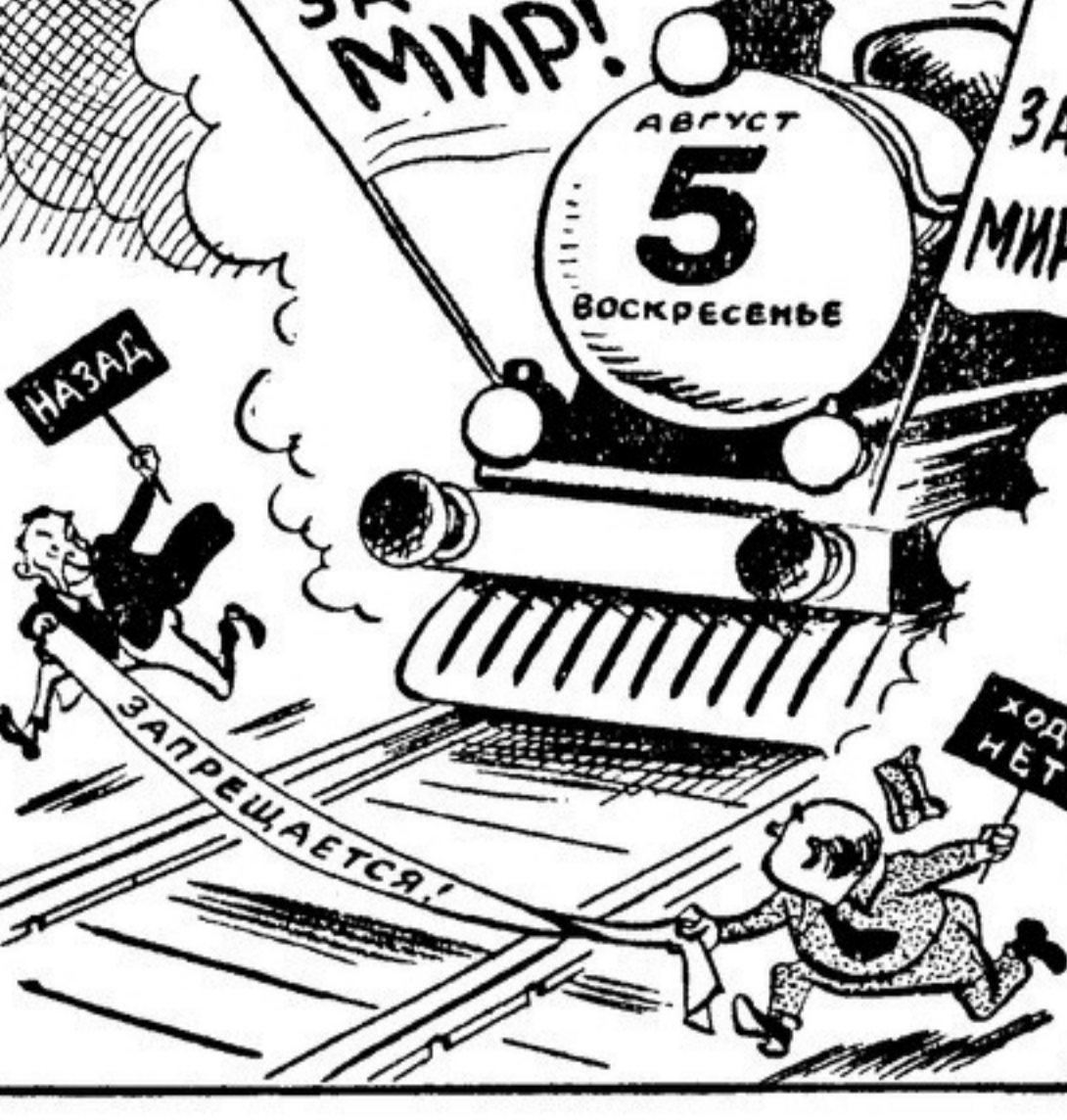
Унтер-офицера: Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повела ему заплести штраф. Мне от своего счастья нечего отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились...

Всего лишь несколько слов, а человек выдел. Здесь и печально-юмористическое желание извлечь выгоду из чего бы то ни было (не отказываться от счастья!), и отголоски речи мужа — унтер-офицера (отпартовала), и неверное произношение чуждого речи персонажа слова («штрафт»). Но ведь говорит-то унтер-офицер на общенародном языке, на таком же, как Хлестанов, слесаря, горюничий. И потому даже этот неслучайный образ гоголевской комедии вошел в поговорку: унтер-офицера, которая, по словам городничего, сама себя высекла...

Нередко еще можно встретить в наших пьесах действующих лиц, речь которых пересытана исковерканными словами, вульгаризмами, диалектизмами, и всегда такая лада воспринимается, как неадекватная.

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 4 СТР.

Еженедельное ОБОЗРЕНИЕ

В Варшаве на скамье подсудимых сидят предатели, за спиной которых стоят Миколайчик, Черчилль и другие враги польского народа. Пока еще стоят, но придет время — садут.

Правители Турции, лишая турецкого гражданства поэта и борца за мир Назыма Хикмета, показали этим, что сами они окончательно перешли в американское подданство.

Утром недавнего дня британского министра иностранных дел г-на Герберта Меррисона разбудил весьма неприятный «стук почталона».

Под тяжестью фактов, или изображение того, как мистер Остин пытается отрицать американские зверства в Корее, о которых сказано в докладе комиссии Международной демократической федерации женщин.

Федеральный судья Конджер приказывает руководителю компартии США Фостеру внести новый залог в 10 тысяч долларов до 6 августа, в противном случае Фостер будет арестован.

Вопреки усилиям боинского канцлера Аленаура и его американского сводка Макклэя, тысячи молодых борцов за мир прибывают в Берлин в точно назначенный срок.

Бор. ЕФИМОВ

БЕССМЕРТИЕ ПОЭТА

30 июля 1951 года во время варварского налета американской авиации на Пхеньян погиб один из самых талантливых поэтов новой Кореи, заместитель председателя Ассоциации работников литературы и искусства Те Ги Чен.

Имя Те Ги Чена широко известно не только в Корее, но и за ее пределами. В 1948 году за поэму «Лектусан», посвященную народно-освободительной борьбе корейских партизан под руководством Ким Ир Сена против японских захватчиков, Те Ги Чен получил Национальную премию первой степени. Поэма переведена на русский язык.

Во время войны корейского народа с американскими империалистами Те Ги Чен прошел славный боевой путь, сражаясь с врагами на северо-восточном фронте. В ряде стихотворений поэт выразил ненависть всего корейского народа к американским извергам. Лучшие из них — «Корея сражается», «Дорога в огне» — стали в Корее народными песнями.

Ниже мы публикуем стихотворение корейского поэта Тю Сон Вона, посвященное памяти Те Ги Чена.

Нет, смерть не властвует над нами.
На битву движутся полки.
И вижу я —
идет сквозь пламя
поэт,
сжимая кулаки...

Летят над ним
стервятники, бомбы,
и на родной земле
дымятся раны.
Идет поэт
сквозь пламя
по Пхеньяну,
и в нем,
мой друг,
я узнаю тебя.

Я вижу,
как, склонившись над воронкой,
ты обнимаешь, припадая к земле,
живого черноглазого мальчонку,
который плакал
по-ребячьему звонко,
прижавшись к мертвой матери
в пыли.

Я вижу —
рядом женщина седая
присела на развалины.
Рыдая.
Здесь люди
именем народной власти
ей новый дом построили
на счастье,
но дом обуглен,
вылетели стекла,
и корянка старая продрохла,
и ты
пиджак свой старенький
на плечи ей накинул по-смылову.

Мой друг!
Когда на нас враги напали —
Кто-то из нас праги навалил —
услышал отчий край
слова твои,
твой громкий голос
братья узнавали,
он долетал
сквозь грохотанье стали,
к свободе звал
и поднимал в бой.
Гремел он,
заглушая батареи:
«Прочь грязные ружья от Кореи!»
И пулеметной очередью
строчки —
тверды и справедливы до конца —
гасили вражьи огненные точки
и пробивали черные сердца.

Вот почему они тебя убили —
рабочники почные с Уолл-стрит.

Я вижу...
Нет, не отдан ты могиле.
Глаза твои,
уста твои открыты.

Я знаю,
что сказать они желали,
какое повеленье передать!
Клокочет гнев, когда сердца в печали.
И за твою селеную мать,
которая ждала тебя ногами,
за родную, горящую в бою,
расправился сполина мы с палачами!
Мой друг, ты жив!
Ты с нами!
Ты в строю!

За счастье в бой идут полки,
Над ними — праведное знамя.
Идет у древка
через пламя
поэт,
сжимая кулаки...

Перевел с корейского
Марк МАКСИМОВ

ГРЕЦИЯ — СТРАНА ТЮРЕМ

Воспроизводимая здесь карта размещения тюрем и концентрационных лагерей в монархо-фашистской Греции является ярким обвинительным документом, раскрывающим жуткую картину фашистского террора в стране. Она взята из брошюры «За решетками», выпущенной в этом году Союзом демократических женщин Греции.

На карте показано более 40 главнейших тюрем (в Афинах, Коринфе, Лариссе, Каламатах, Салониках, на островах Эгина, Хиоса и др.) и три самых больших концентрационных лагеря (Макронисос, Агнос-Евстратис и Трикерия). Тюремные обозначены решеткой, концентрационные лагеря — палаткой, окруженной колючей проволокой. Если рядом с названием тюрьмы или концлагеря стоит буква «Г», значит эти места заключения предназначены исключительно для женщин («Г» — первая буква греческого слова «гинеко» — женщина).

В левом нижнем углу дана отдельная карта тюрем, находящихся в районе Афины. Их здесь четыре: количество узников, которых монархо-фашисты стергут особенно усердно, видимо, очень велико. Это известный застенок Авероф, Кифисиа, женская тюрьма Авероф и Каллифеа.

Здесь, в этих зловещих темницах, лагерях смерти и многих других застенках, не обозначенных на карте, терпят нечеловеческие муки греческие патриоты, схваченные фашистскими палачами, действующими по указке американских хозяев.

Лагерь на острове Макронисос называют греческим Дахау. От расстрелов и пыток там гибнут тысячи людей.

Говоря о другом лагере — Агнос-Евстратисе, даже выходящая в Афинах право-социалистическая газета «Махи» вынуждена констатировать: «Это концентрационный лагерь, созданный по образцу лагерей Гитлера, Муссолини и Франко. В нем заключено три тысячи граждан... Узники живут в дыря-

вых палатках в ущелье, часто наводняющемся потоками, которые стекают с окрестных гор. Вода уносит палатки, а люди, чтобы спастись, взбираются на деревья. Заключенные, среди которых есть даже 70-летние старики, одеты в лохмотья и ежедневно подвергаются насилию со стороны охраны».

25 детей греческих антифашистов, брошенные еще в 1948 году в тюрьму Кифисиа, а ныне переведенные в тюрьму города Каламаты, переслали в ООН меморандум, где описали бесчеловечные истязания и пытки, которым они ежедневно подвергались. «Тюремные сторожа во главе с начальником тюрьмы выгоняли нас на двор и, как дикие звери, набрасывались на беззащитных людей. Набление продолжалось часами, тела наши покрывались кровью, а каннибалы продолжали бить и топтать нас сапогами. Ни душевизмирующие крики пятнадцатилетних мальчиков, ни струящая кровь не останавливали оштрафованных от зверств извергов... Ночью

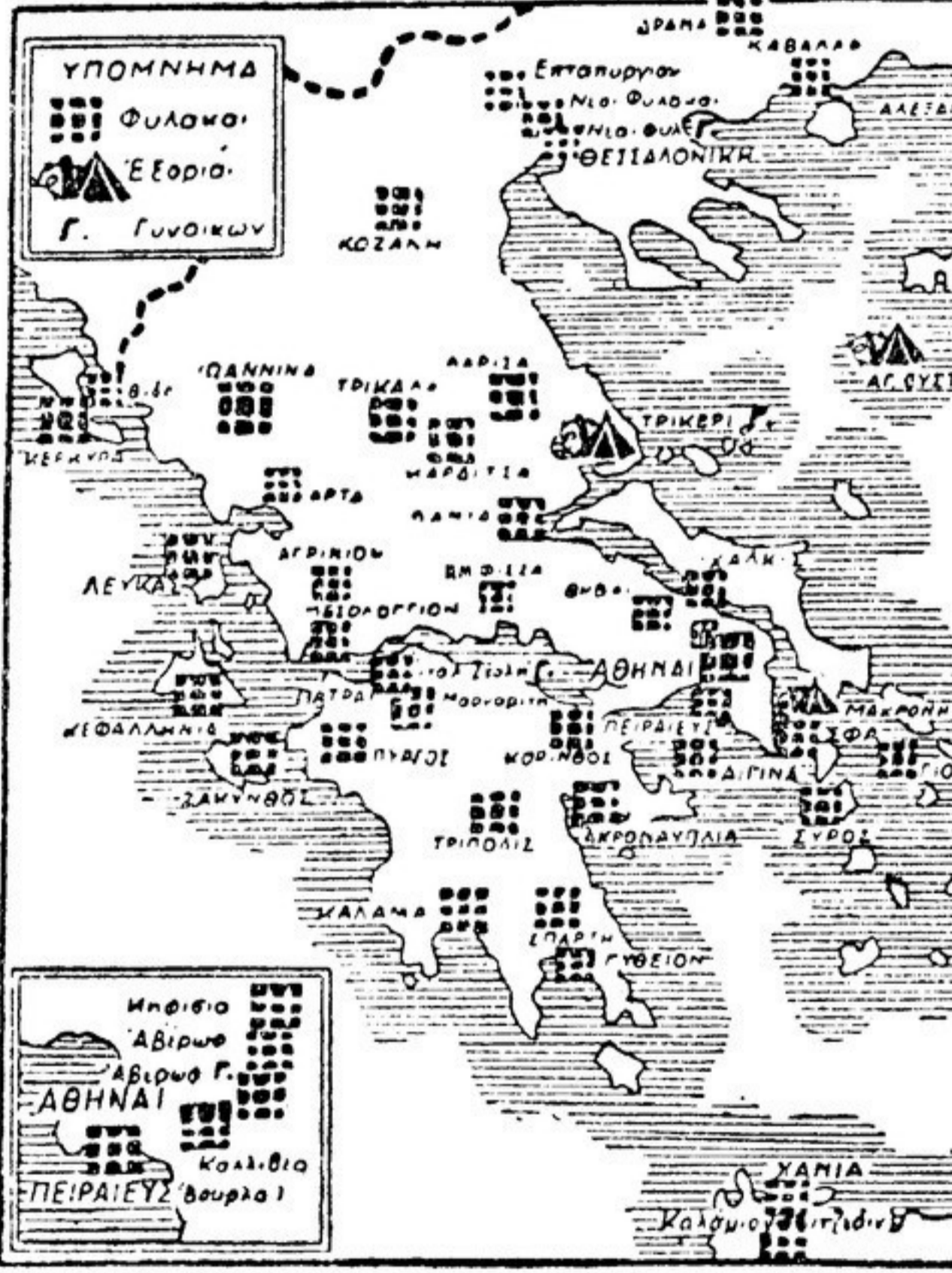
наши мучители врываются в камеры и начинают игру в «мяч». Ударом ноги в живот, кулаком или дубинкой они стараются перебить «мяч» — окровавленное детское тело — следующему палачу. Потом они по очереди били нас дубинками, железными прутьями и чулками, набитыми цементом...»

Ни на один день не прекращается в Греции кровавый террор.

Недавно в афинской тюрьме Авероф был тайно расстрелян политический заключенный Георгиос Коссинос. Сейчас происходит так называемый «процесс шестнадцати» — готовится расправа над юношами и девушками, членами ЭПОН (запрещенная организация демократической молодежи Греции). Мозолевые патриоты, отказавшиеся отречься от своих взглядов, попадают под действие престолоугодного закона № 509, который предусматривает смертную казнь за политические «преступления».

Греция сегодня — это лагерь смерти. Малейшее недовольство существующим положением — достаточный повод для ареста. Исданно чрезвычайный военный суд приговорил к пяти годам тюрьмы учащегося Захаракиса только за то, что тот написал на школьной доске фразу: «Война для бедных — прибыль для богатых».

Греческие монархо-фашисты опутали всю страну колючей проволокой, уничтожили десятки тысяч патриотов и сотни тысяч посадили за решетку, но не смогли заковать в кандалы стремление греческого народа к миру и демократии. В стране негласно печатаются демократические газеты «Ризоспастис» и другие. Широко распространяются листовки, призывающие бороться за мир, хлеб и свободу. Следами примера бесстрашного народного героя Манолиаса Глезоса, патриоты устанавливают на самых высоких зданиях Афины светящиеся надписи: «Ирини!» — «Мир!». Греческий народ борется за победу!

НАРОДЫ ТРЕБУЮТ ПАКТА МИРА

Жители шведской столицы — Стокгольма подписывают Обращение Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира.

Проницательный Бадж...

По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс из Вашингтона, член палаты представителей Бадж (республиканец от штата Айдахо) заявил 18 июля: «Позывные буквы пяти наших радиостанций, передающих программы «Голоса Америки», начинаются с букв «W.R.U.». Первая из них произносится по-русски, как «в», и по словам специалиста по русскому языку, эти три буквы, если произнести их слитно, будут означать: «Я вру».

Вряд ли можно считать простой случайностью, что из 26 букв американского алфавита для передач «Голоса Америки» избрана комбинация «W.R.U.»

На этом основании Бадж обвинил государственный департамент США в том, что тот находится под «красным влиянием». Бадж заявил, что он намерен просить правительство удержать из общих ассигнований государственному департаменту 85 миллионов долларов, отпускаемых «Голосу Америки», «если не будет представлено удовлетворительное объяснение».

Бадж добавил: «Может быть, кое-кто игнорирует мое задание, характеризуя его как придиурю, но я не понимаю, почему американский народ должен платить 85 миллионов долларов за то, чтобы сказать «Я вру».

Слово и характер в драме

ОНОЧНИЧЬЕ. НАЧАЛО СМ. НА 3 СТР.

выдуманные. Значит ли это, что подобные слова должны быть решительно выгнаны из речи героев? Нет, конечно! Но они — лишь речевые краски на фоне общенародного языка.

Стремление чем-нибудь да «отметить» героя не имеет ничего общего с желанием создать действительно живой, конкретный характер. В той же пьесе «Днев наш вступительный» есть образ колхозного счетовода Лувриной Солоньковой. Образ проработал почти все ее реплики, то выясняется, что почти в каждой из них она говорит о бухгалтерии. Надо полагать, что таким образом писатель хотел подчеркнуть индивидуальную черту ее характера: необыкновенную, всепоглощающую любовь к своей работе. Но результат получился обратный: Лувриная стала условным персонажем.

Есть и еще более примитивный способ индивидуализации героев: оснащение языка действующих лиц всевозможными «характерными словечками», прибаутками, повторениями по многу раз, довольно часто — украинизмами. И особенно плохо, когда эти украшения расставляются произвольно. Так, например, мастер Бандура в «Совести» Ю. Черурина по непонятным причинам одну фразу говорит по-русски, а другую по-украински, да еще выговаривает коверкая при этом украинский язык. Вспоминается другая пьеса, где такая речевая краска использовалась очень хорошо. Осередько в «Далеко от Сталинграда» А. Сухова, говоря все время по-русски, переходит на украинскую речь, когда воднолюбивая — и это делало его речь особенно искренней и взволнованной.

М. Горький писал о драме: «Пьеса — драма, комедия — самая трудная форма литературы, — трудная потому, что пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом, и делом самостоятельно, без подсказываний со стороны автора».

Подлинными образцами такой самостоятельной характеристики являются образы советской классической драматургии. Учи-

тельница Яровая проходит на протяжении пяти актов сложный путь духовного, идейного развития, но ни разу, ни в одной сцене не возникает опущения, что мы чего-то не знаем о ней, что какой-то ее поступок не вытекает из всего предыдущего. Мы не видим со сцены, как жила Яровая до разлуки с мужем, что толкнуло ее на активную революционную борьбу. Но мы знаем об этом, знаем из ее слов, чувств, поступков. Пройдя Яровую вошло в настоящее — оно в эпизоде в полонце, в сцене неожиданной встречи с мужем, в трагической ошибке Любими, когда она поверила в искренности Яровой. Наконец, в финальных словах пьесы: «Нет, я только с нынешнего дня верный товарищ».

Иногда же бывает так, что драматург словно сам себя обманывает: ему не удалось раскрыть характер в речи и действиях героя, и он прибегает к старому литературному (но чуждому драме) приему — воспоминаниям.

Вопле законно желание бр. Тур и И. Пырцева повелевать зрителям о том, какую большую школу революционной борьбы прошел старый рабочий Егор Луговня. Но, чувствуя, видимо, что из действия, из диалога, нужного по сюжету, этого не узнать, авторы выставляют Луговню и Рябчиковку предаваться воспоминаниям: «А как поминши, Саввушка, в десятом нашу первую маевку?» — довольно нехлестко спрашивает Егор... «А в двенадцатом здесь на мосту что было... После Ленинского расстрела. Поминши?» «А в семнадцатом, Егор, как мы в Крутицких казармах юнкерам ультиматум предъявили! А Бремль, Бремль как бран! Поминши, мы с тобой еще в отряде у Василия Блаженного лежали?»

Так рассказывается биография героя. Но не самостоятельно, а при помощи автора, ибо диалог этот лишний для развития действия и воспринимается он как авторская характеристика действующих лиц.

В характеристике героя драматического произведения большую роль играют слова других действующих лиц об этом герое. Достаточно вспомнить саркастические афоризмы Чацкого о Молчалине, Скалозубе, Загорючком, Репетиловом, гостях фамусовского бала, чребы с поразительной яркостью представить себе каждого из них: в этих репликах подмечено самое суровое персональное, их суть.

Верно найденная, точная реплика порой гораздо глубже выражает мысль, чем обстоятельное изложение этой мысли. В пьесе С. Михалкова «Наша Головная» Бажов говорит композитору:

— А ведь генерал прав, Илья Петрович! И уж если откровенно говорить, тут и мое мнение такое: коли не расчитываешь на то, что тебя поймут твои современники, с которыми вместе ты сейчас на земле коммунизм строишь, так ради чего тогда я жить на свете?

Это глубоко верные слова, под которыми подпихивает каждый советский человек, советский художник, но напрасно Бажов делает вид (это звучит в интонации), что он только сейчас постиг эту истину. Да и не нужна эта фраза, потому что раньше, в самом начале второго акта, работница Луша замечательно по глубине и остроте разоблачила антинародное, ненужное и непонятное современникам убогое искусство, рассчитанное якобы на будущее, на потомков.

— Я говорю о музыке, о том, что я писал, ради чего я жил... доверят Головин свои мысли Луше. — Я допускаю, что вы, Луша, не в силах понять большого, серьезного музыкального произведения. Я допускаю. Но ведь в конце концов ваш внук смог бы оценить и понять меня.

В ответ на это признание Луша говорит: «Какое у него понятие! Ему только соску сейчас понимать».

Очень хорошо! Ответ Луши необыкновенно прост; это ответ по существу. А мысль в нем — глубокая, и звучит в душевных словах убийственная ирония по адресу «сверхчеловеков», оторвавшихся от народа.

характеру, с учетом положения, в котором он находится, в драме торжествует правда во всем. Между тем иногда драматургия ставит действующих лиц в ложное положение, по своему произволу заставляя их говорить то, что вовсе не соответствует намерениям героя.

Б. Ромашов в «Великой силе» позволяет быть Милангину откровенным: «Антрону, по-приятельски, — говорит Милангину Лаврову. — Другой будет врать: я такой-скакой... А я открыто. Надо было воевать, мы не притяпались. Вот — сарабаша. А теперь мне хочется позить. Знаешь сказку про колобок? Милушу, детскую, знавшую сказку: «Я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от тебя, серый волк, уйду...»

Это хорошо, потому что находится на главной линии сюжета, потому что оправдано: Милангину, недалекого ума человек, все еще не может понять, что его с бывшим приятелем Лавровым разделяет пропасть...

Но вот другой случай из той же пьесы. Известно, что Мельничек — бездарный человек и карьерист, однако взгляды его на жизнь неведомы зрителю. Желая прояснить их, писатель наивно, беззастенчиво заставляя Мельничека излагать свои воззрения на искусство.

Мельничек: Ну, возьмите, в болше копюлок, искусство. Купю. Все легко. Все приятно. А театр... Мы как-то с женой смотрели престелуну английскую комедию.

Абдулазиз: А в чем ее содержание? Мельничек: В том-то и дело, что там нет особенного содержания. Просто изображена семья. И в каждом поколении муж с женой обязательно расходятся. Поливнут-поживут — и расходятся. Ну да, жена начнет понимать, что муж ей не подходит, встретит свой идеал и уходит к нему! И дети проделывают то же самое. И никаких трагедий. Очень мило.

И это — плохо. Плохо не только потому, что весь разговор о кино возник вне всякой связи с развитием действия, но и потому, что автор заставил Мельничека говорить так, как в наше время даже самые отъявленные пошляки говорят себе не позволяя (из чувства самосохранения!), особенно в присутствии людей, от которых зависит их положение, карьера. Значит, для достижения жизненной правды в драме, для создания посредством слова подлинного, живого характера

важно еще одно условие: нан и что говорит герой в данной ситуации, и кому он обращает свою речь.

Советская драматургия является производственной коммунистических идей, коммунистической морали. Находящаяся на передовой линии опыта советская драматургия по самой природе своей публицистична. Она честно и открыто несет в народ передовые идеи, честно и открыто борется против всего того, что мешает нашему движению вперед.

Публицистическое звучание пьесы, выражаемое в характерах героев, — вот что нужно советской драме, чем она высока. Но бывает, к сожалению, так, что верные, хорошие, острые слова звучат со сцены как бы сами по себе, неизвестно кем произносятся. И тогда слова эти, оставаясь за пределами искусства, куда меньше волнуют зрителя. В пьесе В. Лавренева «Голос Америки» Макдональд говорит:

— Я сказал вам, что я коммунист. Я в боевом строю моей партии, которая уже ведет здесь бой. Тяжелый бой! И я не могу уйти с переднего края.

Конечно, это так. Мы знаем о героической работе коммунистов в империалистических странах, жизнь каждый день рождает новые и новые примеры их самоотверженной борьбы. Но почему же не Макдональд, а Бадж, куда менее зрелый боец за мир, запечатлевается в нашей памяти? Потому что слова Макдональда о борьбе на переднем крае — лишь декларация, потому что мы не знаем Макдональда; писатель не открыл нам в нем человека.

Балкое слово в драме принадлежит уже не только автору, но и действующему лицу. Это — истина, и все же она порой забывается за многоопытными драматургами. Думается, что один из серьезных недостатков языка некоторых наших пьес, и среди них хороших пьес, состоит в том, что их герои много резонерствуют. Даже в интимном разговоре они получают не могут удержаться от того, чтобы не сообщать, какие они стойкие, благородные, хорошие...

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРЯВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. ЮРИКОВ (зам. главного редактора).